

ЛОКК И ВЛАСТЬ

Локк был лояльным подданным и госслужащим. Сотрудничая с Робертом Бойлем, он одновременно занимал посты в правительстве и выполнял его поручения. В разгар репрессий, последовавших за Рай-Хаусским заговором, он отбыл в Голландию, но вскоре был вызван в Лондон, вероятно, для дачи показаний против заговорщиков. Локк не подчинился приказу Карла II Стюарта. Не захотел он возвращаться и после восхождения Якова II, убежденный, что если монарх нарушает закон, то более не может быть главой государства. Позиция лояльности монарху не как личности, занимающей трон по Божественному праву, а как элементу государственного строя сохраняется и после голландского вторжения. В приложении дан перевод тезисов (1690), в которых Локк призывает отречься от доктрины Божественного права королей.

Ключевые слова: *Вильгельм III Оранский, Роберт Бойль, Джозеф Уильямсон, Джон Тиллотсон, Роберт Спенсер, Божественное право королей*

Государственные служащие – секретари, помощники, исполнители важных поручений, дипломаты и военные, судьи и наместники, парламентарии, епископы и клирики, придворные и министры – иногда совмещали свои обязанности с ведением дневников и сочинением памфлетов и трактатов. Среди них – Джон Локк (1632–1704), мыслитель, отдавший более половины своей жизни государственной службе.

Локк сначала учился, а затем преподавал в оксфордском колледже Крайст-Чёрч, который с 1660 г. был главным идеологическим институтом Реставрации, готовившим преданных госслужащих и церковнослужителей. Преподаватели по истечении 15-ти лет должны были проходить посвящение в духовный сан и получать приходы или назначения на государственную службу. Осенью 1665 г. Локк выехал в Клеве в качестве секретаря английского посланника, что было по меркам того времени знаком высокого доверия. По возвращении ему предложили отправиться в Испанию, сопровождая посла, а чуть позже занять пост секретаря посла в Швеции. Нет сомнения, Локку предстояло покинуть *alma mater*. Однако в ноябре 1666 г. декан Крайст-Чёрч Джон Фелл получил королевский приказ за подписью ставленника Джорджа Монка – госсекретаря Уильяма Мориса. Согласно указу, Джону Локку позволялось остаться в Крайст-Чёрч без посвящения в сан и с сохранением за ним двух комнат на территории кампуса. Этой привилегии удостаивались далеко не все, и она не могла быть пожалована без причины. Свою роль сыграл его первый патрон, роялист Александр Попем и близкий знакомый, еще со времен Вестминстерской школы, Уильям Годольфин, в 1662–1665 гг. занимавший должность заместителя госсекретаря. Но самым важным стало тесное сотрудничество с Робертом Бойлем, начавшееся как минимум с 1664 г., а возможно и раньше. Новые обязанности государственного служащего открыли перед Локком дверь в новый мир – мир власти, который не ограничивался двором и публичным правительством.

Среди корреспондентов Локка мы встречаем Джозефа Уильямсона, бывшего члена совета оксфордского Куинз-колледжа, в 1674–1679 госсекретаря по Северному департаменту, а в 1678–1681 гг., в разгар антикатолической паранойи, ксенофобии и шпиономании – президента Королевского общества, сумевшего взять под контроль английский сегмент *République des Lettres*. Соученик Локка по Вестминстерской школе, он был одержим сбором информации. А. Маршалл ставит Уильямсона в один ряд с такими выдающимися деятелями секретных служб раннего Нового времени, как Френсис Уолсингем, Роберт Сесил, Джон Терлоу, Генри Беннет и Роберт Харли¹. В 1660–1680-е гг. Локк переписывается с Джоном Ричардсом, сотрудником Уильямсона и личным секретарем Арлингтона (переписка велась в 1673–1681 гг.)², и Джоном Куком, сотрудником Северного департамента в 1660-х и заместителем госсекретаря Чарлза Мидлтона в 1680-х. Внимание привлекает имя Анри Жюстеля, которого Маршалл называет «давним корреспондентом Уильямсона»³. По замечанию М.Б. Холл, Жюстель еженедельно писал отчеты Генри Ольденбургу, еще одному подопечному Уильямсона, а затем Роберту Гуку и Эдмунду Галлею⁴. Переписка Локка с Жюстелем продолжалась с апреля 1679 г. до конца 1683 г. В 1681 г. Жюстель бежал в Англию, где был назначен хранителем Королевской библиотеки в Сент-Джеймском дворце. Благодаря ему Локк познакомился с Николасом Тойнардом, который стал одним из его самых активных корреспондентов на континенте. Среди корреспондентов Локка числится и Джон Ковел, специалист по сбору информации, переписка с которым продолжалась с 1679 по 1700 г.⁵ Маршалл уверенно называет агентом еще одного корреспондента Локка – Уильяма Карра, обмен письмами с которым датируется еще более ранним временем 1657–1664 гг.⁶

Среди корреспондентов 1690-х гг.: Джеймс Джонстон, агент Ганса Виллема Бентинка и Гилберта Бернета и госсекретарь по Шотландии в 1693–1696 гг.; Уильям Трамбулл, госсекретарь по Северному департаменту (1695–1697); Джеймс Вернон – сотрудник Уильямсона в начале 1670-х, личный секретарь герцога Монмута вплоть до его казни (1685), при Якове – редактор правительственной газеты, при Вильгельме – заместитель Джона Тренчарда, госсекретаря по Северному департаменту в 1697–1700 гг. и по Южному в 1700–1702 гг. Наконец, Локк переписывался с Робертом Харли, госсекретарем по Северному департаменту

¹ Описывая положение дел в «канцелярии» 1660-х гг., Маршалл пишет: «Сердцем разведывательной системы реставрационного режима с 1660 по 1685 гг. была канцелярия государственных секретарей. С 1662 по 1674 гг. наиболее значимая работа в этой области велась в канцелярии сэра Генри Беннета, графа Арлингтона, которой руководил сэр Джозеф Уильямсон» (Marshall 1994: 28).

² Correspondence I 1976: 396; Correspondence II 1976: 468.

³ Marshall 1994: 56.

⁴ Hall 1991: 101.

⁵ Marshall 1994: 275.

⁶ Ibid: 129, 141; Correspondence I 1976.

в 1704–1708 гг. Все эти имена бросаются в глаза даже при беглом знакомстве с перепиской Локка.

Перемены в жизни Локка произошли поздней весной 1667 г., когда он переехал из Оксфорда в Лондон, в дом лорда Ашли (Купера), будущего лорда-канцлера и первого графа Шефтсбери. Локк был «приписан» к домохозяйству последнего, но служил в правительстве, занимая должности регистратора по акцизам и секретаря по презентациям, т.е. церковным бенефициям, находившимся в прямом ведении короны. Ранее, в Оксфорде он участвовал в анатомических исследованиях мозга и нервной системы, а под руководством Бойля занимался иатрохимией и алхимическими опытами. В Лондоне эти исследования продолжились. В столице тогда имелось множество лабораторий, поскольку заниматься алхимией было модно, хотя и запрещено законом. Лаборатория имелась даже в Уайтхолле (по слухам, прямо под спальней короля, из которой вниз вела специальная лестница). Карл ставил время от времени опыты сначала вместе с Робертом Морэем, имевшим в Уайтхолле собственную лабораторию, а затем со своим и Арлингтона личным врачом Дикинсоном. Опыты проводил и герцог Йоркский. В Лондоне также была лаборатория неподалеку от того места на Пэлл-Мэлл, где жили сестра Бойля Екатерина Джонс, леди Рanelэ, и знаменитый врач Томас Сиденхем, работа с которым расширила медицинские познания Локка.

Ранее в доме Бойля в Оксфорде Локк встретился со своим будущим пациентом, одним из двенадцати основателей Королевского общества Полом Нилом, сыном Ричарда Нила, архиепископа Йоркского и соратника Уильяма Лода. Как и Морэй, Нил был доверенным лицом короля. По его рекомендации в ноябре 1668 г. Локк был избран членом Королевского общества и зачислен в комитет по экспериментам. С 1671 до конца 1674 г. Локку пришлось отдавать практически все время работе в правительстве на посту секретаря лордов-собственников Каролины, а после отставки Бенджамина Уорсли, исполнять обязанности секретаря Совета по торговле и иностранным плантациям (1673–1674). В обязанности Локка входила переписка с английскими подданными, жившими и работавшими за рубежом. Он просил сообщать обо всем новом и присылать образцы растений, лекарственные средства, разного рода редкости, вроде ядовитых рыб. Ничего удивительного в том, что это совпадало с обязанностями члена Королевского общества, учрежденного как орган государственной власти, непосредственно подчиненный королю. Вскоре после его учреждения был образован комитет, занимавшийся «самыми отдаленными частями мира». В него входили Бойль, Джон Уилкинс, Морэй, Джон Ивлин и Ольденбург. В рамках Королевского общества существовал и специальный комитет по переписке, который прямо обязывал изучать труды о путешествиях и найденных в них новых растениях, животных, минералах и т.п. и писать соответствующие отчеты о прочитанном. Локк занимался систематическим сбором информации и приобрел репутацию эксперта по заморским территориям.

Однако состояние его здоровья оставляло желать лучшего, и в ноябре 1675 г. Локк отправился во Францию на лечение. Он отплыл на корабле вместе с Джоном Беркли, одним из лордов-собственников Каролины и посланником Карла в Париже. Локк жил в Монпелье, а затем в Париже, где сблизился с целым рядом первоклассных ученых и медиков. В Лондон он вернулся в апреле 1679 г., а в начале 1681 г. принял участие в качестве квартирмейстера в организации Оксфордского парламента. После бегства Шефтсбери в Голландию и его кончины (конец января 1683 г.) Локк переехал в Оксфорд, а затем незаметно отбыл в Голландию. Было ли это бегством от вероятных преследований или имело другую цель, остается неясным. Амстердам в то время наводняли английские шпионы, работавшие под тем или иным прикрытием, чаще всего под видом врачей. Правда, в отличие от них, Локк был настоящим врачом. В противном случае его было бы легко счесть информатором, посланным в стан мятежного герцога Монмута⁷.

Весной Локк отправился в тур по Соединенным провинциям, в ходе которого знакомился с учеными и медиками, собирая информацию о последних открытиях и настроениях в городах, которые посещал. Ничто, казалось, не предвещало проблем, и тем не менее той же осенью он получил письмо об исключении из Крайст-Чёрч. Ему вменялось авторство подрывных памфлетов. Декан Фелл пытался замять дело, и тогда госсекретарь Роберт Спенсер прислал прямой приказ о немедленном исключении Локка. Это означало, что он более не мог считаться лицом, представляющим Церковь и государство, а кроме того, лишался двух комнат в Оксфорде, которые приносили доход. Ф. Милтон отмечает «нестыковки» в действиях Спенсера, указывающие на то, что информация о связях Локка с мятежниками в тайную канцелярию не поступала и появилась уже после объявления его врагом короны⁸. Поскольку Локк был внесен в список разыскиваемых лиц, ему пришлось больше года прятаться в доме голландских друзей. В конечном счете его вычеркнули из черного списка: по одной из версий, в правительстве сочли, что Локк попал в него по недоразумению – его приняли за другого человека.

Неприятности принесли и добрые плоды. Во время вынужденного сидения взаперти около года, Локк вернулся к ранним записям и черновикам в папке, надписанной «De Intellectu», наброскам будущего шедевра «An Essay concerning Humane Understanding» 1690 г., и тогда же, по настоянию и при помощи Жана Леклерка, подготовил рукопись к публикации.

Голландия того времени жила в ожидании французской агрессии: по слухам, Людовик в альянсе с Яковом намеревался развязать очеред-

⁷ Маршалл, рисуя обобщенный портрет шпиона того времени, отмечает, что многие из них работали под прикрытием гонимых лиц и имели соответствующие «легенды». После успешного выполнения заданий их обычно назначали на какой-нибудь мелкий пост: «в акцизном ведомстве, на флоте или в правительстве». – Marshall 1994: 131.

⁸ Milton 2009: 65.

ную войну. Поэтому с осени 1687 г. фаворит Вильгельма Ганс Виллем Бентинк при помощи Генри Сиднея, впоследствии, после Славной революции, занявшего должность госсекретаря, начал создавать сеть агентов в Англии и Шотландии⁹. Тайные контакты с Бентинком тогда же, а возможно и раньше, наладил Спенсер, ближайший советник Якова. «Сеть» действовала независимо от дипломатической службы и после вторжения стала основой для мощной англо-голландской разведывательной организации, имевшей двойную (как формальную, так и неформальную, то есть подчиненную лично Бентинку) структуру¹⁰. В 1688 г. была развернута широкая кампания по дискредитации Якова и создана специальная группа, во главе которой стояли великий пенсионарий Гаспар Фагель и капеллан Вильгельма Гилберт Бернет¹¹, в недавнем прошлом протееже архиепископа Кентерберийского Уильяма Санпкрофта и автор официальной «The History of the Reformation of the Church of England».

Какую роль играл Локк в подготовке вторжения, неизвестно, но по прибытию в Англию ему прочили высокие посты, настойчивее всего – пост посланника в Бранденбурге. На всем протяжении 1690-х Локк оставался весьма влиятельным лицом. Степень доверия к нему «голландской партии» была столь высока, что в ходе личной встречи в начале 1698 г. Вильгельм предложил ему пост госсекретаря. В любом случае участие Локка в подготовке вторжения 1688 г. не было проявлением непослушания – оно было санкционировано властью. Быть может, самый интересный вопрос – когда именно началось сотрудничество Локка с этой «второй» властью, состоявшей равно из тори и вигов, англичан и диссентеров, и даже антифранцузски настроенных католиков. На родину он перебрался в феврале 1689 г., после того как конвент принял решение короновать Вильгельма и Марию. По протекции Чарлза Мордонта, одного из командующих военной экспедицией, назначенного после переворота на посты первого лорда казначейства и члена Тайного совета¹², Локк получил должность члена комиссии по апелляциям при Акцизном ведомстве. Поскольку состояние его здоровья исключало постоянную работу в Лондоне, в 1690 г., по предложению члена парламента Френсиса Машема и его супруги Дамарис Машем (урожденной Кедворт), Локк поселился в их родовом поместье Оутс в Эссексе. Время от времени он приезжал в Лондон, но в основном оставался в Оутсе и занимался литературной работой: отвечал на критику собственных произведений, дополнял «Опыт о человеческом понимании» новыми главами, писал трактаты и памфлеты, вел обширную переписку. В поместье Машемов также собиралась для обсуждения политических вопросов группа влияния, которую называли «коллегией Локка». «Рупором» политических идей Локка в парламенте был член палаты общин Эдвард Кларк.

⁹ Onnekink 2007: 54.

¹⁰ Ibid: 41–43, 173.

¹¹ Bergin 2009: 225.

¹² См.: Weil 2013: 107, 109, 160, 202.

Главным вкладом Локка в историю политической мысли стали «*Epistola de Tolerantia*», в английском переводе «*A Letter concerning Toleration*», 1689, далее («Послание») и «*Two Treatises of Government*», 1690, далее («Два трактата»), публикация которых совпадает по времени с событиями Славной революции. По мнению К. Скиннера, «Два трактата» – классический текст радикальной кальвинистской политики¹³. Стоит заметить, что причисление этого произведения к кальвинизму и к радикализму обязано, в частности, французскому переводу, который в начале 1691 г. сделал друг Локка, гугенотский пастор и беженец Давид Мазель, принадлежавший к кругу Леклерка. Переведен и издан был только «Второй трактат», причем без первой главы, связывавшей его с «Первым трактатом», и без предисловия Локка. В следующем веке этот перевод много раз переиздавался¹⁴, а в 1755 г. в Амстердаме вышел под редакцией и с примечаниями Жана Руссе де Мисси, который в своем предисловии подавал автора как республиканца и единомышленника¹⁵.

Конечно, дело было не только в интерпретации, которую Руссе дал трактату в предисловии и примечаниях. «Второй трактат» и сегодня читается как произведение, направленное против режима личного правления и провозглашающее источником власти народ, который, как и отдельный человек, имеет право на вооруженное сопротивление тирану и право на то, чтобы не допустить наступления тирании. Хотя такое право, по Локку, возникает лишь в чрезвычайных обстоятельствах, грозящих стране гибелью. Кроме того, оно формируется постепенно, в зависимости от того, насколько намеренно и целенаправленно высший правитель нарушает закон, превращая законную прерогативу короны в произвольную манипуляцию законом. При этом нигде во «Втором трактате» не обсуждаются и даже не упоминаются сами события Славной революции: теоретические рассуждения не привязаны к конкретным историческим обстоятельствам 1688–1689 гг., поскольку строились не в ходе революции, а до нее, и служили идеологическим инструментом республиканизма. Когда именно создавались эти тексты — предмет исторических споров. Но именно абстрактный характер «Второго трактата» и определил его значение для будущего.

В то же время авторский замысел «Двух трактатов» в целом, если судить по предисловию самого Локка, заключался в критическом анализе доктрины Божественного права королей¹⁶ и, косвенно, в оправдании восхождения Вильгельма на трон. Хотя «Первый трактат» был написан в начале восьмидесятых, но он более или менее соответствовал и контексту Славной революции. По сути, и «Послание» соответствует этому контексту, поскольку содержит призыв к отделению Церкви от государства, что, в частности, выражено в формуле: «*But there is absolutely no*

¹³ Skinner 1978: 239.

¹⁴ См. подробнее в предисловии П. Ласлетта: Locke 1988: 12–15.

¹⁵ См.: Jacob 1991: 111–113 и далее.

¹⁶ В версии «Патриарха» Роберта Филмера (написан в начале 1630-х, издан в 1680 г.).

such thing, under the Gospel, as a Christian Commonwealth». Обратим внимание на контекст: Локк противопоставляет свое понимание власти, какой она должна быть, «абсолютной теократии» иудеев¹⁷. Спустя несколько лет Локк напишет трактат «Разумность христианства», в котором будет проводить идею «минимального кредо» как средства ненасильственного объединения христиан, и которое содержало ту же идею разделения светской и церковной властей, т.е. было направлено против конфессионального государства.

Несмотря на удаление в деревню, Локк находился в центре событий, был близок к «вигам двора» и их лидеру Джону Сомерсу. Известны также его доверительные отношения с архиепископом Кентерберийским Джоном Тиллотсоном, в начале девяностых продвигавшим программу реорганизации Англиканской церкви в духе меньшей закрытости. Будучи англиканином, но при этом не приемля конфессионального государства и религиозных преследований, Локк поддерживал линию Тиллотсона и нового церковного руководства, хотя, конечно, его взгляды выходили далеко за рамки программы реорганизации.

Главной проблемой постреволюционной Англии была хроническая нехватка ресурсов для продолжения войны Аугсбургской лиги с Францией, а после Рисвикского мирного договора – для подготовки к неизбежному возобновлению военных действий. Локк принимал участие в дискуссиях по финансовым вопросам, выступал с предложением «не вмешиваться» в рынок ценных бумаг; обсуждал также и проблему «перечеканки» испорченных серебряных монет. Важнейшей инициативой второй половины 1690-х стало возрождение Совета по торговле и плантациям. Одним из восьми комиссионеров король назначил Локка, который много сделал для превращения этого органа в действенный инструмент колониальной политики¹⁸. На всем протяжении правления Вильгельма Локк был твердым сторонником короля-статхаудера, считая его не только спасителем Англии от папства и рабства, но и восстановителем «древней конституции». Пусть даже первым шагом к такому восстановлению стала голландская оккупация, по счастливому стечению обстоятельств не уничтожившая, а укрепившая суверенитет Англии.

«Два трактата» и «Послание» были опубликованы анонимно. В отличие от них документ¹⁹, которому М. Голди дал название «О верности и революции», а П. Ласлетт «Призыв к единству нации»²⁰, подписан инициалами «JL»²¹ и датируется апрелем 1690 г. Дж. Фарр и К. Робертс называют его скетчем, наброском ненаписанного памфлета. Главную проблему Локк видит в расколе и призывает не доверять тем, кто, находясь на государственной службе, придерживается «подрывной» доктри-

¹⁷ Locke 1983: 44.

¹⁸ См.: Marshall 2013: 68–69, 75–76, 85–86; Armitage 2000: 165–166.

¹⁹ Документ впервые опубликован в «The Historical Journal»: Farr and Roberts 1985. Перевод сделан по этой публикации.

²⁰ Locke 1997: 306–313.

²¹ Найтс считает автором тезисов Кларка. О нем и «коллегии Локка» см.: Knights 2006.

ны Божественного права королей. Правление нового монарха законно потому, пишет Локк, что Вильгельм восстановил закон, нарушенный прежними правлениями. Это повторяет его предисловие к «Двум трактатам», где он называет короля “our Great Restorer” (нашим великим возобновителем)²², и то место в письме Кларку, где он пишет о необходимости восстановления «древнего правления». Именно о возобновлении «древней конституции», т.е. «смешанного правления», а не монархии и тирании, и идет речь²³. Помимо предисловия к «Двум трактатам», «скетч» – единственный текст Локка, в котором обсуждаются реалии Славной революции. По словам его публикаторов Дж. Фарра и К. Робертса, «Локк не написал ни *Послания*, ни *Опыта*, ни *Трактата* о революции или о последовавшем за ней урегулировании. По этим вопросам, по-видимому, главным его завещанием потомкам стало молчание»²⁴, если не считать «скетча», в котором «нет ничего демократического или республиканского»²⁵. Но этого там и не могло быть после того, как Вильгельм и Мария взошли на трон, и Англия вступила в войну с Францией. Контекст изменился, и в этом новом контексте идеям, на реализацию которых надеялись республиканцы до февраля 1989 г., уже не было места. Наилучшей тактикой для некоторых из них стало «молчаливое» и по преимуществу анонимное влияние на текущую политику страны, питаемое надеждами на будущие преобразования.

Ниже прилагается перевод документа, ныне хранящегося в Бодлианской библиотеке (Bodleian MS Locke e. 18).

Повсюду звучащие сетования и охватившее людей уныние столь заметны, что на них невозможно не обратить внимание. Дело не в том, что нашей нации недостает мужества, и не в неверии в наши силы, не это приводит нас в отчаяние. Страх вызван расколом в наших рядах: всем известно и все говорят, что если мы не сплотимся, то не выстоим. Поэтому позвольте тому, кто любит своего короля и свою страну, стремиться к миру и печется о протестантизме, смиренно изложить свои мысли во времена, когда добрые и честные люди ощущают нависшую над всеми опасность.

Все согласны, что если Англия объединится, то легко сокрушить ее не удастся. Так избавим же ее от угрозы. (1) Не стану предлагать единство мнений. Возлагать надежды на равную просвещенность людей в вопросах совести не стоит. Разум и опыт подсказывают, что те, кто для достижения этого использует насилие, совершают ошибку; принуждение только усиливает раскол. Надеяться можно лишь на то, что к общему согласию в мыслях приведет взаимное милосердие, но и на это вряд ли стоит рассчитывать.

(2) Не стану предлагать общего согласия (union of consent) и в том, что касается персон и методов в общественных делах — вопросы, в которые нам не стоит вмешиваться. Повиновение тем, на кого возложена забота о народе, принесет должный результат. Поэтому предложу только то, что все признают абсолютно необходимым

²² Locke 1988: 157. Термин «restorer» можно найти только в одном месте Библии короля Якова: Ис 58: 12: «thou shall be called, The repairer of the breach, The restorer of paths to dwell in» (King James Version); ср. «и будут называть тебя возобновителем развалин, возобновителем путей для населения» (Синодальный перевод).

²³ Correspondence III 1978: 545; см. также: Locke 1988: 414; Locke 1988: 355.

²⁴ Farr and Roberts 1985: 385.

²⁵ Ibid: 391.

для существования и продолжения нашего правления и без чего никогда и никак не удастся защитить наше спокойствие и нашу религию.

Отсчет избавления от папства и рабства с полным основанием ведут с момента прибытия принца Оранского, а завершением его все, кто желает успеха принцу и его предприятию, считают вступление на трон короля Вильгельма. Это барьер, возведенный на пути папства и Франции, ибо имя короля Якова для них ничего не значит. Если он вернется, под каким бы предлогом это ни произошло, править нами будут иезуиты, а господами станут французы. Яков слишком предан первым и слишком опирается на вторых, чтобы расстаться с кем-либо из них. И невозможно ожидать от того, кто рискнул тремя коронами и потерял их ради слепого послушания властителям его совести и следуя советам и примеру французского короля, – после провокационных действий, вызвавших к нему еще большую неприязнь, – что он вернется с миром и добрыми намерениями в отношении англичан, их свобод и религии. И поэтому мне хотелось бы, чтобы самые храбрые и самоотверженные среди нас, и при этом не испытывающие никакого желания превратиться в презренных папских новобранцев и несчастных французских крестьян, подумали, какие гарантии они будут иметь, на какую помощь рассчитывать и какие надежды питать, когда, ведомые амбициями и хитростью великих людей, кем бы те ни были, от которых зависят и за которыми идут, они попадут однажды, как невинные овцы, на этот рынок, на бойню, ибо, какие бы выгодные для себя сделки ни заключали правители, вечной истиной является то, что глупое стадо последователей всегда покупается и продается.

Поэтому те, кто не желает распада альянса, созданного для защиты христианского мира, должны поддержать наше нынешнее правление, которое является средоточием этого альянса и от которого последний зависит. Те, кто не желает предавать Англию и подвергать ее папскому гневу и мщению, в ком не угасла любовь к своей стране, своей религии, своей совести и своим домам, должны встать на защиту возведенного нами бастиона, этой единственной преграды на пути разрушений и несчастий, еще более губительных, чем те, от которых мы были недавно избавлены. Всем нам надо объединиться в искренней лояльности его величеству и поддержать его правление.

1. Первым шагом к такому единству – думаю, это ясно всем – должен стать Акт об всеобщем забвении. Все разногласия желательнее отставить в сторону. Если же, подавшись проискам врагов и собственным горячностью и недомыслию, мы продолжим клеймить друг друга не подобающими истинным англичанам словами, то пусть вину, обязанную собой разногласиям и ими умноженную, загладит мудрость наших сенаторов и они вернут нас к той мере невинности, которую способен дать закон. Пусть обвинения в преступлениях или страх наказания не будут заставлять людей искать выход в беспорядках. Дайте им спокойствие и безопасность, и у них будут все основания желать, чтобы правление было прочным и продолжалось без потрясений. Люди, любящие свою страну, но еще больше любящие самих себя, и те, кто не станет нарушать спокойствие, если почувствуют себя в безопасности, будут во что бы то ни стало избегать бесчестия и разорения, даже если для этого им придется сторониться публики.

2. В последние годы в Англии усердно распространялась доктрина, согласно которой корона должна наследоваться *jure divino*, и есть основания полагать, что она все еще владеет некоторыми умами. Получая признание, она вступает в непримиримое противоречие с нашим спокойствием и нынешним строем. Все, кто считает, будто по закону и Божественному назначению право на трон Англии имеет не король Вильгельм, а кто-то другой, причем имеет его по высшему должностному, а именно Божественному праву, непреложному и не допускающему исключений, являются прямыми врагами нашего короля и его правления. Поэтому всем, кто признает себя подданными короля Вильгельма, надлежит официально и публично отречься от доктрины, в соответствии с которой его титул является недействительным. Те, кто

называет его своим королем и верит в это, не могут не свидетельствовать сами и не признавать свидетельства других, убеждая разумных людей, что они должны стать опорой трона, от которого зависит наши спокойствие и религия. Те же, кого мучают сомнения, демонстрируют со всей очевидностью, что, выказывая притворную лояльность королю Вильгельму, они на самом деле остаются подданными короля Якова. Нетрудно угадать, кого из двоих, когда подвернется случай и следуя долгу и совести, они предпочтут и кому окажут содействие. Того, кто еще не отрекся от этого принципа, как бы он ни притворялся, мало заботят общественный мир и безопасность, ему не нужны настоящие друзья, он ищет тайных врагов правления, не думая о последствиях. Политика такого рода до сих пор была неизвестна государям, полагавшим, что выявить враждебно настроенных лиц в правительстве не составляет большого труда. Но пусть кто-нибудь докажет, что Божественное право наследования английской короны не подрывает нынешнего порядка. Если вам удастся примирить эту доктрину с правлением Вильгельма и послушанием его власти, то я оставлю ее в покое как схоластическую спекуляцию. Но, поскольку речь идет о жизни и короне его величества, а это именно так, если речь идет о спокойствии его правления и благодеянии подданных, нам не стоит полагать, что мы достаточно едины, пока не будем точно знать, кто из нас разделяет столь опасную доктрину и придерживается принципа активного противодействия королю и его правлению.

3. Нарушения закона прежними правлениями стали причиной прибытия Вильгельма и наделили его правом вступить на трон. Его собственная декларация и публичные акты нации устранили сомнения на сей счет. Но те, кто не признает и не осуждает допущенные злоупотребления, не видят и достаточно веской причины для произошедших перемен и нашего избавления. Если нарушений закона не было, то наше недовольство было бунтом, а наше спасение — восстанием, и мы должны как можно скорее вернуться к нашему прежнему послушанию. Те, кто так думает, не могут не делать такого вывода, а те, кто признает нарушения, причем такие, которые не могли привести ни к чему другому, кроме отречения, должны, если его величество им не безразличен, объединиться в публичном осуждении злоупотреблений и отвращении к ним, поскольку без этого они никогда не смогут оправдать ни восхождения Вильгельма, ни свою поддержку его на троне.

4. Принц Оранский со своим войском, когда ничего другого не оставалось, пошел на риск, чтобы восстановить наши погранные и слабеющие законы, свободы и религию. Правоту его действий должны признать все, кто не желает его ухода. Те же, кто не присоединится к признанию как великодушия, так и законности этого славного предприятия, не могут иметь другой причины для еле скрываемой тошноты, кроме мнения о нем как о незаконном вторжении врага, находиться под властью которого невыносимо и от которого они бы охотно избавились. По крайней мере, и это следует признать, они рассчитывают на еще одни перемены. Король Яков может положиться на тех, кто пользуется выгодами предприятия короля Вильгельма, не разделяя его целей, поскольку их молчание достаточно ясно говорит, на чьей они стороне. Но королю Вильгельму нельзя им доверять, если только он не считает, что должен заплатить за корону вознаграждением этих людей. Многие из тех, кто ранее находил его дело справедливым, предали его, и совершенно невозможно в здравом уме ожидать поддержки от тех, кто отказывается признавать правду на этой стороне.

5. В последнее время как в разговорах, так и в печати часто встречается различие короля *de facto* и короля *de jure*, т.е. короля, занимающего трон, и короля по праву. Нынешнее правление спасло нас год назад и будет защищать нас в дальнейшем, поэтому не будем тратить понапрасну время и признаем Вильгельма нашим королем по праву. Любой, кто отрицает это, должен считать его узурпатором! Ибо что такое узурпатор, как не король, восседающий на троне, на который он не имеет права? Неудивительно, что король Франции, изливая крайнюю злобу, так его и называет, и я не удивлюсь, если те, кто отказывает Вильгельму в праве на корону, объединятся

с французским королем, да и с кем угодно, чтобы лишить того, кого они считают узурпатором, этого права. Это тем более вероятно, что среди нас находится несколько человек, ранее весьма рьяно и упрямо отрицавших, что трон свободен, и считавших, что король Вильгельм должен стать командующим и получить титул регента, оставаясь в подчинении у короля Якова, с сохранением за последним права на корону и верность народа. Не слышно что-то, чтобы эти люди отказались от своей публичной позиции или выразили сожаление по ее поводу, на что следовало бы обратить внимание тем, кто следит за безопасностью и спокойствием государства. Если же они изменили мнение, им не составит труда объявить об этом, особенно в момент, когда это поможет успокоению умов и упрочит правление, которое они признают. А если они будут упорствовать, то это тоже должно стать известно, а сами они заслуживать к себе другого отношения, чем те, кто искренне объединился в поддержку нынешнего правления, в котором нуждаются единство, безопасность нации и сохранение нашей религии.

Я обращаюсь сейчас к каждому истинному англичанину и спрашиваю, не являются ли эти пункты главными условиями сохранения нашего спокойствия, безопасности королевской особы и защиты королевства? Разве не заявляют о своем размежевании и не выступают против продолжения правления те, кто не желает объединяться по этим вопросам? На что они надеются, раскалывая королевство, с тем чтобы оно действовало против самого себя, и как они тогда намерены его сохранить? Различия во мнениях и по мелким вопросам среди тех, кто согласен в главном, не расшатывают основ. Правления всегда существовали и часто процветали, имея фракции, но нельзя ожидать поддержки конституционного строя, каким бы он ни был, от тех, кто даже не объявляет о его поддержке и не признает права государя, которому они должны повиноваться. Об этом всегда и в первую очередь заботились все режимы, пережившие свое рождение; они не оставляли нерешенным и неопределенным вопрос о праве своих правителей и о провозглашении и признании такого права. Ибо как можно ожидать, что народ будет тверд в поддержке правления, если оно само нетвердо и не отстаивает своего права? Если законодатели оставят этот вопрос нерешенным, если великие люди при дворе, занимающие должности и получающие за это плату, не объявят открыто и прямо о своей поддержке, то что заставит остальную нацию быть верной и послушной, когда ее совесть будет раздирать сомнения, а вопрос о правах на титул, на которые претендуют стороны, останет не проясненным в публичных актах или хотя бы через открытое и решительное заявление тех, кто находится на службе и потому обязан знать о правах и признавать их? Публичного молчания самого по себе достаточно, чтобы породить в народе колебания, и всегда найдутся казуисты, которые их усилят. Но в нашем случае, думаю, дело обстоит хуже. Пресса открыто сеет сомнения, все вокруг задают вопросы, и нет никого, кто бы искренне и убежденно выступал на стороне правления. Мы ведем совсем не малую войну. У наших дверей стоит мощный и агрессивный враг, и у него достаточно эмиссаров и приспешников, чтобы раздуть любые сомнения и подозрения и превратить их в беспорядки и волнения. Малейшая трещина среди нас (а поскольку мы не заявили публично о единстве, то недалеко от раскола) позволит вторгнуться врагу и его драгунам. Спросим любого самого пылкого вигу или тори среди нас (кроме тех в высших кругах, кто способен пойти на сделку и продать других), что он хочет получить, впусав стгоряча и из ненависти друг к другу иностранные войска, врагов нашей религии и нации, и превратив страну в арену, на которой прольется кровь, произойдут массовая резня и опустошения? Стоит ли партийное рвение разорения его дома и гибели его семьи? Будет ли он рад тому, что сделал, когда увидит своих детей в лохмотьях, а жену подвергнутой насилию? Ибо жестокие унижения со стороны вооруженных саблями иностранцев, особенно тех, кто исповедует противоположную религию, затронут всех без разбора. Будет ли французский или ирландский господин, который лишит их всего и совершит насилие даже над их совестью, более

терпим, чем англичанин по соседству, мирно живущий рядом, хотя и придерживающийся немного других мнений? Пусть каждый протестант, каждый англичанин подумает, положи руку на сердце, какая такая смертельная ссора с соотечественниками заставляет его рисковать религией, свободой, собственной безопасностью и безопасностью страны, вместо того чтобы жить вместе на любых приемлемых условиях? Ибо все это поставлено на карту и будет потеряно, если мы сейчас не сплотимся.

Перевел А.А. Яковлев

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: C.U.P., 2000. 239 p.
- Bergin E. Defending the True Faith: Religious Themes in Dutch Pamphlets on England, 1688–1689 // War and Religion after Westphalia, 1648–1713 / Ed. by D. Onnekink. Farnham (Eng.) & Burlington (USA): Ashgate Publishing Ltd., 2009. P. 217–250.
- Correspondence of John Locke. In Eight Volumes / Ed. by E.S. de Beer. Oxford: Clarendon Press, 1976. Vol. I. 707 p.; Vol. II. 805 p.; Vol. III. 801 p.
- Farr J. and Roberts C. John Locke on the Glorious Revolution: A Rediscovered Document // The Historical Journal. Vol. 28. No. 2. Jun., 1985. P. 385–398.
- Hall M.B. Promoting Experimental Learning. Experiment and the Royal Society, 1660–1727. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 207 p.
- Jacob M.C. Living the Enlightenment. Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe. N.Y. & Oxford: Oxford University Press, 1991. 204 p.
- Knights M. Clarke, Edward (1650–1710), of Chipley, Som. // www.historyofparliamentonline.org
- Locke J. A Letter Concerning Toleration / Ed. by J.H. Tully. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc. 1983. 62 p.
- Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. Cambridge: C.U.P., 1988. 464 p.
- Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. Cambridge: C.U.P., 1997. 409 p.
- Marshall A. Intelligence and Espionage in the Reign of Charles II, 1660–1685. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 334 p.
- Marshall J. Whig Thought and the Revolution of 1688–91 // The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–91 in their British, Atlantic and European Contexts / Ed. by T. Harris and S. Taylor. Woodbridge: The Boydell Press, 2013. P. 57–86.
- Milton Ph. John Locke's Expulsion from Christ Church in 1684 // Eighteenth-Century Thought. Vol. IV. Ed. by J.G. Buickerood. N.Y.: AMS Press, Inc., 2009. P. 29–66.
- Onnekink D. The Anglo-Dutch Favourite. The Career of Hans Willem Bentinck, 1st Earl of Portland (1649–1709). Aldershot (Eng.) & Burlington (USA): Ashgate, 2007. 297 p.
- Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. V. II: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Weil R. A Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England. New Haven & London: Yale University Press, 2013. 360 p.

Яковлев Анатолий Александрович, кандидат философских наук, независимый исследователь; yakovlev1632@gmail.com

Locke and State Authority

John Locke was a loyal subject and State servant. Being a helping hand to Robert Boyle he at the same time held government posts and carried out the tasks of authorities. He tried to hide in Holland after the break of repressions following Rye House plot, but soon was called back probably to testify against the conspirators. Locke ignored Charles' order, and he also declined to return after James' ascension, convinced that since the King breaches the law, doing that time and again, he cannot be the head of State any longer. The same loyalty to Monarch as an element of state, rather than a person established *jure divino* holds out after the Dutch invasion. Locke remained faithful to King-Stadhouder to the end of William's life. The article includes the translation of Locke's theses (1690), in which he calls on to renounce the Doctrine of the Divine Right of Kings.

Keywords: Robert Boyle, Joseph Williamson, Robert Spencer, John Tillotson, Divine Right of Kings, William III of England

Anatoly A. Yakovlev, Csc in Philosophy, independent scholar; yakovlev1632@gmail.com